

Ленинской библиотеки, но затерявшимся и счастливо найденным на запасных железнодорожных путях. Детство, учёба в средней школе и Московском университете, юношеские годы. Всё рассказано очень трогательно и, кажется, с полной откровенностью. Даже то, что он учился танцам (тем, кто встречался в лифте или коридоре Института истории СССР с Черепниным, обладавшим в последние годы жизни грузной фигурой, в это трудно поверить).

Мемуары Л.В. Черепнина обрываются на полуслове. Жаль, что он не довёл их до конца. Но и в этом, как мне кажется, видна личность незаурядного человека. Лев Владимирович не считал возможным писать о событиях недавнего прошлого, давать характеристики людям, чей жизненный путь ещё не был закончен.

Нельзя не сказать о том, что публикация воспоминаний сделана в лучших традициях академического издания источников. Текст снабжён предисловием В.Д. Назарова, им же написано введение к комментариям, а также завершающий издание биографический очерк жизни и творчества Л.В. Черепнина, в яркой форме отражающий его основные черты как человека и учёного. Издание снабжено многими вспомогательными указателями, в том числе подробнейшим именованным, о котором следует сказать особо. Подобный указатель имён не часто встретишь в наших изданиях — подчас составителям приходилось проводить тщательные архивные разыскания, чтобы установить либо отдельную дату, либо факт биографии упомянутого в воспоминаниях человека.

Нина Сеницына: Я вспоминаю...

Nina Sinitsyna (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): I remember...

Я вспоминаю сентябрь 1954 г., когда на первом курсе истфака МГУ услышала лекцию Льва Владимировича. Он читал курс истории России. Я счастлива, что тогда оказалась в группе, в которой он вёл просеминарские занятия; помнится, мы читали «Русскую правду». Так была predeterminedена моя судьба историка: все мои дальнейшие занятия проходили под руководством Льва Владимировича, его влияние ощущалось постоянно.

Я вспоминаю и второе predeterminedение, когда в 1957 г. (я училась на четвёртом курсе) Лев Владимирович начал вести спецкурс по истории русской общественной мысли конца XV — начала XVII в. Я выбрала его, и это стало темой моей кандидатской, а затем докторской диссертации. Третье predeterminedение случилось позже, уже в Институте истории, и его произнёс уже сам Лев Владимирович. Тема спецкурса («Русская публицистика XVI в.») находилась не в русле его основных научных интересов, он тогда размышлял над проблемами социальной и политической истории. Но, будучи руководителем большого коллектива сектора истории СССР периода феодализма, он взялся за труд ответственного редактора книги Александра Ильича Клибанова «Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.», которая вышла в 1960 г. Лев Владимирович не мог стать обычным «титовым» редактором. Он считал своим долгом вникнуть глубоко в суть проблемы, самостоятельно изучить источники, овладеть в полном объёме материалом редактируемой книги. Из опубликованных воспоминаний я, впрочем, узнала, что курс «Русская публицистика XVI в.» Лев Владимирович читал и ранее. Я вспоминаю, забегая вперед, что в 1976 г., незадолго до кончины, Лев Владимирович

был ответственным редактором моей книги «Максим Грек в России»; у меня до сих пор хранится корректурный экземпляр (изготовленный в издательстве специально для него), где на протяжении всей книги имеется правка, сделанная его красивым чётким почерком; значит, он внимательно читал всю книгу.

Возвращаясь к спецкурсу, отмечу (записи у меня тоже до сих пор сохранились), что лекции и занятия были организованы по хронологическому принципу, по памятникам и источникам последовательных исторических периодов. Позже материалы, подготовленные, видимо, для этого спецкурса, вошли в разделы книги «Земские соборы», увидевшей свет уже после кончины автора. В ней все очерки включают и разделы, посвящённые их отражению в публицистике.

На четвёртом курсе (1957/58 учебный год) мне предстоял выбор специализации. Это был период, когда после XX съезда КПСС историческая наука переживала период подъёма. Темы по разным периодам и направлениям были предложены многообразные. Николай Николаевич Покровский прочитал блестящий курс по источниковедению советского периода. Тема тогда, в 1950-е гг., была ещё слабо разработана, но сам курс отличался как богатством нового архивного материала, так и новизной подходов и оценок. Такая же новизна была характерна и для спецкурса Константина Николаевича Тарновского по истории монополий в России. Ефим Наумович Городецкий предложил тему «Первые преобразования Советской власти», и я наметила было тему «Национализация банков». Но национализировать банки мне не довелось, так как я предпочла тему, предложенную Львом Владимировичем, и я не только не пожалела о своём выборе, но всё более и более углублялась в древность. Занятия древними источниками, рукописями развивают мастерство, заставляют совершенствовать методику исследований, помогают глубже понять современность.

Я вспоминаю семинарские занятия у Льва Владимировича на истфаке, которые всегда проходили оживлённо и интересно. Он не был особенно строг, но самая его манера общения, стиль и логика мышления, эрудиция, серьёзность в отношениях заставляли напрягать силы, сохранять подтянутость. В его присутствии было невозможно работать вполсилы, понижать градус добросовестности.

Я вспоминаю заседания в секторе феодализма, на которых всегда было много участников, приходивших из других научных учреждений. Докладчикам для выступления тогда предоставлялся час. Дискуссия часто затягивалась надолго, Лев Владимирович завершал её очень заинтересованно, очень по существу, вникая в суть и доклада, и каждого выступления, подводил итоги, ставил задачи и намечал перспективы. И все с нетерпением ждали его оценки. На одном из таких заседаний, кажется в 1962 г., он предопределил мою дальнейшую научную судьбу. Это и было третье предопределение. Я делала свой первый доклад о Максиме Греке. Присутствовавший на заседании Владимир Терентьевич Пашуто спросил: «А что это будет – статья, диссертация?» Я не успела ответить – Лев Владимирович ответил вместо меня: «Максим Грек – это на всю жизнь». И оказался прав.

Лев Владимирович очень серьёзно относился к науке и к Институту. Я помню последний разговор, когда я пришла в больницу навестить его – а вскоре оказалось, чтобы проститься. И вдруг, вне связи с темой разговора, он спросил: «А почему Вы не пишете историю Института истории?». Это были последние слова, которые я от него слышала.

Я вспоминаю, как на кладбище, после похорон, Евгения Вениаминовна — теперь уже вдова — сказала: «Вот и нет больше нашего Льва Владимировича». Она не сказала «моего», она сказала «нашего». Я помню, что вскоре в Институте выпустили стенгазету, и я написала — с чувством скорби — небольшую заметку об Учителе, где вспомнила Рабиндраната Тагора:

— Кто здесь есть, чтобы продолжать моё дело? — спросило заходящее солнце?

— Я сделаю всё, что смогу, повелитель, — отвечала глиняная лампада.

Помнится, некоторые тогда на меня обиделись.

Переиздание книги Л.В. Черепнина о Земских соборах неожиданно оказалось сопряжённым с темой Максима Грека. В 1971 г. были опубликованы «Судные списки» — обобщённые материалы Соборов 1525, 1531, 1549 гг., на которых рассматривались обвинения, предъявленные Максиму Греку и сотрудничавшему с ним каллиграфу Исааку (Исаку) по прозвищу Собака (в 1549 г.), в еретической правке переведённых учёным святогорцем богослужебных книг. Долгое время оставался дискуссионным вопрос о причинах осуждения Максима Грека в 1525 г., в частности о характере обвинений против него на первом суде в 1525 г. — каковы были документальные материалы, официальные записи, протоколы 1525 г., которыми располагали составители, обобщавшие после суда 1549 г. материалы прошлых лет, особенно далёкого 1525 г. Обратившись сейчас — в который уже раз — к книге о Земских соборах, я вдруг обратила внимание на факт, который ранее не отмечали ни я, ни другие исследователи. Оказалось, что дата Собора 1549 г., осудившего Исаака Собаку, стоит рядом с датой первого Земского собора, начавшегося 27 февраля 1549 г. Соборное осуждение Исаака Собаки произошло 24 февраля 1549 г., а Собор на Исаака начался ещё в ноябре 1548 г., следовательно, предшествовал непосредственно первому Земскому собору.

Более того, состав участников Собора 1525 г. описан как будто по модели 1549 г. Л.В. Черепнин вслед за Б.А. Романовым писал, что первый Земский собор состоял как бы из двух «палат» (т. 2, с. 69). В первой заседали царь, митрополит, весь освященный собор, князья, бояре, окольные, дворецкие, казначеи, вторую составляли воеводы, княжата, дети боярские, большие дворяне⁴⁰. А на Соборе 1525 г., согласно Судному списку, присутствовали две описанные отдельно группы лиц. Вначале названы великий князь Василий III, митрополит Даниил, братья великого князя Юрий и Андрей, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, весь великий Священный собор, старцы многих монастырей. Вторая группа обозначена синтаксическим оборотом «дательный самостоятельной»: «многим же бояром, и князем, и вельможам, и воеводам бывшим тут»⁴¹. Некоторая обобщённость не меняет того обстоятельства, что вторая названная группа 1525 г. близка второй «палате» 1549 г.; бояре и князья (другие) традиционно присутствовали, разумеется, и в первой группе (наряду с князьями Юрием и Андреем). Особенно примечателен факт присутствия воевод в обоих случаях.

Указанное совпадение позволяет сделать вывод, что при формировании после 1549 г. обобщённого «судного списка» трёх Соборов составители не располагали подлинными документами, описывающими детально состав участников Собора 1525 г., но указали их по модели Собора 1549 г. Это наблюдение не позволяет

⁴⁰ Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. 1951. VII. С. 295–296.

⁴¹ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 90.

относить начало создания обобщённого Судного списка ко времени, далеко отстоящему от 1549 г. Ясен и замысел церковного Собора 1548–1549 гг. На нём главным вопросом оказалась правка переведённых Максимом Греком богослужебных книг, доказательство её еретического характера; но вина за неё целиком возлагалась на переписчиков, в частности на Исака Собаку. Сам же Максим Грек и на Соборах, и в сочинениях, написанных после них, неизменно утверждал, что обвинён несправедливо, ссылаясь на недостаточное знание русского языка, а вину за ошибки всецело возлагал на помощников и переписчиков. Текст Судного списка, активно акцентируя виновность Исака Собаки, тем самым косвенно, но достаточно недвусмысленно подтверждал правоту Максима Грека в его оправдательных объяснениях и заявлениях. Это было своеобразным началом его реабилитации, в основном завершившейся в период учреждения патриаршества. Она находилась в русле той своеобразной реабилитации, связанной с реализацией поминальных вкладов опальных и казнённых после Собора 1549 г., и была его «определённым политическим последствием»⁴².

Николай Никитин: Оставаться — вопреки всем жизненным невзгодам — настоящим учёным и Человеком...

Nikolay Nikitin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): To remain — in spite of all the ills of life — a true scientist and man...

О существовании мемуаров Л.В. Черепнина я узнал ещё в начале 1990-х гг., став случайным свидетелем разговора между Н.А. Горской, возглавлявшей тогда наш Центр, и М.А. Рахматуллиным — заместителем главного редактора журнала «Отечественная история», заинтересовавшимся возможностью их издания. Как я понял, таковой тогда не было (даже сам факт существования этих мемуаров не рекомендовалось афишировать), что, конечно, не могло не огорчать, ибо интерес к столь масштабной личности, как Лев Владимирович Черепнин, не покидал меня ни при его жизни, ни после смерти. Но вот его мемуары наконец-то вышли. Надо ли говорить, с какой жадностью я прочитал их, сколько нового раскрыли передо мной воспоминания выдающегося историка. И прежде всего они позволили мне «дорисовать» тот его образ, который сложился в моём сознании ранее — при непосредственном общении с Львом Владимировичем в далёкие 1970-е гг.

Как известно, Л.В. Черепнин последние 25 лет жизни являлся бессменным руководителем сектора феодализма нашего Института. Теперь это Центр истории русского феодализма, и я — один из его сотрудников. Конечно, после Льва Владимировича в нашем подразделении произошло немало перемен. Дислокация его, правда, осталась прежней (в той же 46-й комнате на третьем этаже), и стены нашего Центра, стало быть, помнят Льва Владимировича и тех, кто работал под его руководством. Однако в самих этих стенах уже практически ничего не напоминает черепнинский сектор. После всякого рода ремонтов и реорганизаций из его разномастной мебели остался только несгораемый шкаф в дальнем углу, а из людей, работавших при Черепнине, в нынешнем Центре феодализма остался один я.

«Иных уж нет, а те далече...». Чувствовать себя «последним из могикан» бывает крайне некомфортно. Дело здесь даже не в часто возникающих

⁴² См. подробнее: *Назаров В.Д.* Февральский собор «примирения» 1549 г. и посмертные реабилитации // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009. С. 482–494.